

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Нешуточные страсти офисного планктона

Одиннадцать часов дня, самое труднопереносимое время: до обеда еще далеко, а завтрак безнадежно съеден. «Купать хочется невыносимо» — подумала Марина Мазаева и открыла тумбочку. Внутри сиротливо лежал надкушенный бублик и пакетик Маккофе три в одном, гадость несусветная, как говорит ее коллега по цеху Люсьена. Вздохнув, Марина принялась готовить кофе, а ее вышеупомянутая напарница, учуяв запах, олицетворяющий собой перерыв в работе, тут же выкатила на стол пирог:

— Маринка, а у меня пирог есть, с яблоками, сама пекла, — похвасталась Люсьена и любовно разложила на тарелке пригоревший снизу пирог. У нее редко получалось приготовить что-то вкусное, уж что она ни делала, и книжки читала, и сайт «Поваренок» штудировала, а пироги все равно выходили либо пригоревшие, либо сырые вовсе. Но Люся не отчаивалась, и каждый раз приносила свои уникальные «шедевры» на пробу Марине.

— Опять забыла про пирог, а он сгорел у тебя? — вторично вздохнув, не спросила, а даже констатировала Марина, предвкушая пустой кофе, так как пирог выглядел не совсем аппетитно.

— Опять — покаялась Люся и пододвинула тарелку с почерневшим пирогом к коллеге, — Ты попробуй, он внутри вкусный, а корочку не ешь, оставь.

— Бирюков бояться не буду — со смешком ответила Марина. Она вспомнила, что бабушка так и говорила, когда приносила с хлебопекарни булку с коричневой горьковатой корочкой. Кто такой бирюк, маленькая Марина плохо понимала, но корочку покорно ела, потому что не хотела никого бояться. Ни бирюка, ни темноты. Воспоминания о бабушке наполнили ее душу спокойствием и теплотой. Марина, чтобы ни в коем случае не обидеть коллегу, взяла кусочек пирога и аккуратно надкусила.

— Марин, ну что ты принимаешь начальственные дела на себя? — доверительно спросила Люся

— С чего ты взяла? — поперхнулась Марина.

— А с того, что Никита тебя поставит начальницей нашего юридического отдела! Мария Семеновна на пенсию ушла, никто на эту должность лучше тебя не подойдет.

— Люсь, ну не говори ерунды, какая из меня начальница? Мое дело по судам бегать, да претензии и иски обрабатывать, — махнула рукой Марина. — Может, Никита Валерьевич тебя назначит? — лукаво подмигнула она.

Люся моментально покраснела, как вареный рак и смущенно проблеяла:

— Меня?

— А почему нет? — продолжаться веселиться Марина. — Ты девушка толковая, коммуникабельная, тебя и назначит заведующе отдела.

Сказать по правде, толковой работницей Люсю она не считала. Марина работала в компании «Омега-страхование», под руководством директора Никиты Валерьевича Гордеева два года. Сразу после института, молодая девушка отправила свое резюме в эту организацию, тогда еще маленькую, не процветающую, малоразвитую. Директор сам рассматривал резюме кандидатов на должность юрист-консультанта и выбрал ее — Марину Мазаеву. Девушка она серьезная, большие глаза из-под очков смотрели на окружающих строго, не давая ни малейшего повода усомниться в ее профессионализме. Гордеев очень скоро понял, что нашел

настоящий бриллиант. Марина работала на износ, часто Никита заставлял ее на рабочем месте в уже достаточно позднее время. Каждый раз он старался доставить свою неумную сотрудницу домой, если не спешил к своей любовнице.

Марина любила эти вечерние поездки с Никитой. Они ехали в сумерках по Москве, не спешно обсуждали рабочие моменты, никто им не мешал, как в офисе, то и дело заглядывая к Никите с очередным важным вопросом. Ей нравилось, что Никита Валерьевич внимательно слушал ее, не перебивал и смотрел на дорогу, иногда мельком поглядывая на нее и кивая. А она говорила и говорила, и допоздна старалась оставаться почтнее.

Марина почти год проработала одна в юридическом отделе, со всем справлялась сама, но директор решил, что им необходим еще один сотрудник юрист. Так появилась Людмила Стрижова, но все называли ее просто Люся. Новая сотрудница обескуражила всех своей наивностью. Девушке год назад было двадцать пять лет, а уровень IQ остановился где-то на отметке семнадцати и завис там. Стрижова выглядела как подросток, носила мальчишескую короткую стрижку, крашенные локоны торчали во все стороны, а фигура была щуплой. Когда она сидела на своем рабочем месте, то была похожа на взъерошенного воробья. Ее так и называли — Воробушек. Даже фамилия у нее птичья — Стрижова.

Марина всегда относилась к ней покровительственно, быстро ввела в курс дела, по максимуму объяснила обязанности и все время помогала решать текущие вопросы. По началу, даже компьютер самостоятельно включать Люсенька не умела. Это тормозило процесс работы в юридическом отделе, но Марина начальству перечить не решалась. Раз уж решил Никита Валерьевич, что нужен еще один сотрудник, значит — нужен. Начальство нужно любить и боготворить, оно, как известно, от этого добрее.

Марина директора как раз любила и боготворила, считала его самым умным, самым красивым, самым-самым... Но виду не подавала, ибо вряд ли такой шикарный мужчина обратит свое внимание на нее: тощую, в очках, высокую ростом и одетую не по моде. Золушка, да и только. А Никита он статный, представительный, косая сажень в плечах, волосы темные, чуть тронутые сединой. Марина боялась даже самой себе признаться, что без ума от своего начальника.

В дверь деликатно постучали, когда девушки уже допили кофе, спрятали остатки пирога в шкаф и принялись за работу. Вошел Никита Валерьевич в сопровождении эффектной блондинки. От неожиданности появления начальства обе девушки, как по команде встали со своих мест, директор не часто жаловал их своим присутствием в юридическом отделе, предпочитая вызывать работников к себе.

— Да сидите вы, — махнул рукой Никита Валерьевич. — Вот познакомьтесь, ваш новый начальник Инга Юрьевна, прошу любить и жаловать.

Люся вытаращила глаза и молча хлопнулась в кресло, Марина взяла себя в руки: «Все-таки ничего необычного не произошло, всего лишь новый начальник, переживем и это» и, улыбнувшись, представилась:

— Очень приятно, я Марина Мазаева, а это Людмила Стрижова, добро пожаловать!

Инга Юрьевна выглядела великолепно: черный деловой костюм с неприлично короткой юбкой, вырез блузки приоткрывал ложбинку меж грудей, каблучищи под тридцать сантиметров, не меньше! В таком наряде Марина даже дома не осмелилась бы ходить, уж больно откровенный вид, а Инга в офис на работу пришла. На голове у новой начальницы колыхался конский хвост из белых длинных волос, явно наращенных, но от этого не менее

красивых. От увиденного великолепия, Марина моментально расстроилась и уткнулась в свой компьютер, имитируя рабочий процесс. Люся выглядела еще хуже, она обескуражено смотрела на Ингу и хлопала ресницами.

— Чего уставились? Работаем, работаем, — царственно взмахнула Инга Юрьевна рукой со свежим маникюром и нанизанными колечками, по одному на каждом пальце и прошла в свой отсек.

Для начальника юридического предоставлялся своеобразный отсек, огражденный от подчиненных стеклом, но без двери. То есть можно было видеть друг друга и даже общаться. Марина бы предпочла сейчас не видеть красотку, но деваться некуда. За стеклом отображались телодвижения Инги; она плюхнулась в свое кожаное кресло, задрала длинные ноги на стол и принялась рассматривать свой маникюр.

«Ничего себе нам Бог начальницу послал» — подумала Марина и глубже зарылась в судебные иски, как страус в песок.

Люся вышла из оцепенения и теперь кидала косые взгляды в сторону Инги. Марина шикнула на нее, но она не обратила на это никакого внимания. Новая начальница взяла со стола брошюрку под названием «Кодекс корпоративной этики» и принялась листать его без всякого интереса. Было видно, что ей скучно, и она не знает, чем себя занять. Для Марины это было странно, работы непочатый край, могла бы и несколько дел себе забрать на рассмотрение. Вслух, естественно, ничего не произнесла, девушка понимала, что с начальством нужно соблюдать субординацию, а учить не уместо. — Все на планерку в Никитин кабинет, — громко произнесла Инга Юрьевна и хлопнула несколько раз в ладоши. Она первой прошествовала к двери и, взявшись за ручку, гневно сверкнув накрашенными глазками, проорала:

— Вы что глухие? Все к Никите прямо сейчас!

Не желая спорить с истеричным начальством Марина отбросила все дела, молча встала и, махнув рукой Люсе пошла за Ингой. Планерка по обыкновению начиналась в три часа дня, это знал каждый сотрудник, а сейчас часы показывали 14:45.

Секретарь Любочка недоуменно разглядывала троицу юристов, заполнивших приемную.

— Планерка в три, вы чего так рано пришли? Никита Валерьевич занят.

Инга хмыкнула, манерно повела плечиком и решительно вошла в кабинет директора. Без стука.

— Я же сказал... — оборвался на полуслове царь, бог и высший судья «Омеги»

Дальше ничего не стало слышно, за дверью говорили очень тихо. А Марина и Люся промаялись в приемной все пятнадцать минут, прежде чем часы пробили ровно три и, открылась дверь в кабинет директора.

— Входите, — пригласил Никита Валерьевич.

В кабинете сидела довольная Инга, и по обычаю рассматривала свои ногти, с диковинным маникюром. Видимо, это было ее любимым занятием, которое жутко увлекало ее. Новая начальница нравилась Марине все меньше и меньше, а точнее сказать — категорически не нравилась. Она разительно отличалась от предыдущей доброй и профессиональной начальницы отдела Марии Семеновны, всю жизнь проработавшей в адвокатской конторе, а потом в «Омеге». Зато Никите Инга нравилась, это было видно невооруженным взглядом. И этот факт Марину очень расстраивал.

Постепенно кабинет директора заполнился людьми, которые пришли решить накопившиеся

вопросы. Все было, как обычно, если не считать улыбающейся без причины Инги. Никто не видел и не догадывался, что вытворяла она ногой под столом, отчего Никита Валерьевич краснел. Необычайную красноту «царя» списали на невероятную жару в кабинете.

— Забыл представить вам нового сотрудника Ингу Юрьевну, начальника юридического отдела, — спохватился Никита Валерьевич.

Инга встала с места, одернула короткую юбочку, обвела аудиторию ярко накрашенными глазами и капризно произнесла:

— Надеюсь, мы сработаемся.

— Я тоже на это надеюсь. А мы поможем ей войти как можно быстрее в ритм рабочего процесса, так ведь? — обратился ко всем присутствующим босс.

— Марина, прошу оказать содействие Инге Юрьевне — с нажимом обратился он к Мазаевой.

— Конечно, Никита Валерьевич. Будут какие-то распоряжения? — с готовностью преданного пса откликнулась Марина.

Инга смерила ее взглядом и вместо босса ответила:

— У меня будут распоряжения. Снять это! — она подошла к девушке и двумя пальцами взялась за рукав простенькой темно-синей водолазки Марины.

Марина покраснела до кончиков ушей и невнятно произнесла:

— Что, простите?

— Ты кодекс корпоративной этики читала? — потрясла Инга перед носом девушки брошюрой. — Тут написано: деловой стиль одежды, пиджак, юбка — черная, блузка — белая. Что не ясно?

— Инга... Юрьевна, я разрешаю сотрудникам появляться в офисе в любой одежде, кроме джинс — вмешался Никита Валерьевич, а Марина благодарно на него посмотрела.

Инга обиженно надула красные губки и продолжила гнуть свою линию:

— А я хочу, чтобы в моем отделе все одевались прилично!

— А все итак прилично одеты, — Никита Валерьевич взял Ингу за локоток и отвел в сторонку, попутно объявив собравшимся, что планерка окончена и все свободны.

С трудом подавив вздох облегчения, коллеги гуськом покинули кабинет начальства.

Особенное облегчение почувствовала Марина, она сторала от стыда, что Инга унизила ее перед всеми, а главное перед Никитой Валерьевичем. «Да я одеваюсь скромно, и что? Зато выгляжу не как валютная девица. Пусть у меня нет модных блузочек от кутюр и дорогих пиджаков, купленных на деньги любовников, зато есть приличная водолазка, почти новая, все закрывает, и юбка до колен, главное все целое и чистое. И чего она ко мне прицепилась, ведь еще и дня не проработала. Как же мы с ней уживемся, господе» — ни кому не обращаясь, негодовала Марина.

К концу рабочего дня Инга больше не появилась в кабинете, почему, никто не знал, не положено начальству докладывать о своих передвижениях рабам. Работать никто не мог, ни Люся, ни Марина. Обе перемывали кости Инге, прихлебывая невкусный кофе «три в одном».

— Какая змея, а? — вопрошала Люся. — Ишь, водолазка ей твоя не понравилась. На себя бы посмотрела бесстыдница, юбка напоминает тазобедренную повязку.

— Ладно, все хватит, устала я ее обсуждать.

— Мы ее выживем отсюда, — пообещала неугомонная Люсьена.

— Ага, как? — без энтузиазма отозвалась Марина. Ох, не любила она всякие разборки и междоусобные войны. А Ингу голыми руками не возьмешь, чувствуется поддержка

директора, вон как он на планерке ее успокаивал, да и в кабинет к нему врывается без стука. Где это видано?

Марина просидела в этот вечер допоздна, но Никита Валерьевич так и не пришел за ней. Она видела, как он сел в свою большую иномарку и, осветив весь двор яркими фарами, уехал. Повздыхав еще немного о своей горькой доле, Марина отправилась домой.

Золушка ехала в лифте, когда услышала звонкий лай Принца, он всегда чувствовал приближение своей хозяйки и таким образом приветствовал ее. Щенка далматинца ей подарили папа с мамой перед своим отъездом в Канаду со словами: «Смотри не закорми собаку, а то толстый далматинец весьма печальное зрелище». Марина в детстве обожала мультфильм «101 далматинец» и просто заболела идеей завести собаку именно этой породы. Но строгие мама и папа не хотели обременять себя животными, а потому всегда оттягивали момент появления собаки в квартире. Семья Мазаевых была потомственными учеными, которые из поколения в поколение изучали лекарства, растения, делали небольшие открытия в области фармацевтики, только вот Марина выбилась из колеи, окончила юридический институт и слышать не желала об ученых степенях и великих открытиях. Мама расстроено сморкалась в платочек, когда дочь твердо сообщила о своем намерении стать юристом, и, заламывая руки, твердила:

— Зачем тебе это доченька? Как крыса будешь в бумагах возиться да на судебных тяжбах присутствовать. Иди в науку! Как папа, и я, и дедушка с бабушкой. В нашей семье все были учеными, неужели твои гены молчат?

Гены Маришкины, в самом деле, молчали, никакого призыва с их стороны не было. Она решительно подала документы на юрфак, не слушая маминых стенаний. А потом вдруг подумала, а если бы она послушала тогда маму и подалась в науку, то никогда бы не встретила Никиту. Была бы замужем сейчас за каким-нибудь сумасшедшим очкариком-ученым, да в лаборатории торчала, издеваясь над подопытными мышками. Подумала и зажмурилась от удовольствия, хорошо, что есть Никита, мысли о нем согревали ей душу, наполняли ее негой, а девичье сердце начинало биться чаще.

Марина каждое утро чуть ли не рысцой бежала на работу. Ее подстегивали мысли, что она непременно увидит Никиту в три часа дня. Снова будет планерка, он будет бодро решать текущие вопросы и может быть, даже спросит ее, Марину Мазаеву, о чем-нибудь. Девушка светила весь день от счастья, предвкушая летучку.

А выходные были для нее сущим наказанием. Она делала работу по дому, читала книги, смотрела фильмы, и все время думала: «Быстрее бы понедельник!». А в воскресенье ночью лежала без сна и фантазировала, что Никита обратит на нее внимание. Тогда она пригласит его к себе домой, познакомит с Принцем и... засыпала, трогательно подставив ладошку под щеку.

И вот долгожданный понедельник наступил. Марина проснулась от того, что ее целовал Никита... шершавым языком. Она стряхнула с себя сонное оцепенение и оттолкнула Принца рукой, это был именно он. В последнее время пес счел своим долгом будить свою хозяйку поцелуями, наверное, чувствуя, как она остро в них нуждается. — Отстань Принц, — улыбнулась она, злиться по-настоящему на своего верного друга она не могла, чтобы тот ни натворил. Даже когда на прошлой неделе, он перевернул и разбил любимую вазу Марины, привезенную папой из Таинланда, она не ругала его, а только пообещала, что если еще раз негодник что-нибудь опрокинет, она его выдерет. Пес почему-то ей не поверил и в тот же

вечер разорвал тапочку в клочья, полностью уверенный в своей безнаказанности. Хозяйка и на этот раз его простила, но разговаривать перестала, и грустный пес всю ночь тыкал холодным носом ей в руку, моля о вечной дружбе, а утром путался под ногами и скулил. Марина оттаяла, а Принц больше не хулиганил, вел себя, как и полагается воспитанной собаке с королевским именем. В доме установился мир и порядок.

Марина ополоснула лицо прохладной водой, натянула на себя спортивной костюм, а на Принца поводок, и отправилась на пробежку. Собаку нужно держать в форме, да и себя заодно. Она любила эти утренние пробежки, на улице всегда свежо и безлюдно, шесть утра... К семи уже возвращались домой, Принц, вытянув лапы, лежал на своем матрасе, а его хозяйка наскоро приняв душ, бежала на работу.

Сегодня она почему-то не спешила, тщательно вычесывала длинные волосы и пристально смотрела на себя в зеркало, как будто искала изъяны. Волосы, обычно собранные в пучок или хвост, она сегодня оставила распущенными, лишь только маленькую заколку нацепила, чтобы челка не лезла в глаза. Немного подумала и провела по губам розовой помадой, которой пользовалась очень редко, если не сказать только по праздникам. Марина считала, что красота женщины должна быть естественной, и если уж дала природа ей бледные губы, так тому и быть. Она вспомнила Ингины красные губы, сочные, словно зовущие к поцелую. «Может купить себе яркую помаду?» — подумала девушка и тут же устыдилась своих мыслей. Ну как она Марина будет выглядеть с красными губами? Это стыдно и вульгарно, в конце концов, решила она.

— О, наша мышка сегодня принарядилась! — воскликнула Инга, едва заведя Марину на пороге кабинета, и ехидно растянула полные губы в улыбке.

«Я опоздала! Она уже здесь, как же так... сколько время?» — лихорадочно подумала Марина и взглянула на настенные часы, подаренные Никитой Валерьевичем на 8 марта, все правильно 08.30. Она жутко не любила опаздывать, всегда приходила на полчаса раньше, куда бы то ни было, хоть в кино, хоть в суд, хоть на работу. Она не ненавидела быть в центре внимания, когда несколько пар глаз рассматривают ее, вошедшую в кабинет и раскрасневшуюся от быстрого шага. Марина любила приходить на работу первой, спокойно собраться с мыслями, выпить кофе, а все сотрудники, как и положено по уставу, подтягивались в офис к 09.00, в то время, когда Марина активно трудилась над бумагами. А Инга уже здесь...

— Я к тебе обращаюсь, — напомнила о себе начальница, — Язык, что ли проглотила? Да что за коллектив мне попался, одни немые да глухие, — картинно заломив руки, воскликнула Инга.

— Доброе утро Инга Юрьевна, — игнорируя ее нападки, вежливо поздоровалась Марина и села за свой стол.

— Доброе, — хмыкнула Инга и скрылась в своем отсеке.

Марина заметила, что сегодня она выглядела еще сногшибательней, чем в пятницу. Красный сарафан в белый горох, красные туфли на остром каблучке, волосы собраны в какую-то высокую замысловатую прическу. Ни дать, ни взять, принцесса Диана. Марина вдруг почувствовала себя ущербной по сравнению с ней. Чтобы не испортить себе настроение окончательно, она зарылась в спасительные бумаги, и чуть было не пропустила появление Люсьены.

Воробушек ворвался в кабинет, как ураган, опрокинув горшок с кактусом.

— В чем дело? — с истеричными нотками в голосе спросила Инга, опять появившись рядом. Люся скуксилась и села на свое место, пытаясь приладить кактус назад в горшок, который отчаянно не хотел на место и глубоко впивался в кожу обидчицы своими колючками.

— Дура, — констатировала Инга и по-королевски удалилась в свой отсек.

— Люся, ты чего? Случилось что? — участливо поинтересовалась Марина.

— Ничего, — буркнула обидчица кактусов и уставилась в свой компьютер, давая понять, что не жаждет общения.

Марина только пожала плечами и занялась делом. С Ингиного закутка запахло табаком и послышалось ее щебетание:

— Милка, привет, а я на работу устроилась. К Никите... — понизила она голос.

«Господе, за что нам это» — закатила глаза Марина и подошла к кулеру, налить воды для кофе. Щебетание превратилось в грозный рык: «Хватит чаи гонять, работать!»

Девушка недоуменно посмотрела в сторону начальницы, и, увидев ее перекошенное лицо, спорить не стала и села на свое место не солоно хлебавши.

— Это я своих куриц подчиненных гоняю, привыкли лафу гонять, чаи целыми днями цедить, а делом заниматься некогда, — пояснила Инга в трубку невидимому собеседнику.

Окончив разговор, начальница подошла к столу, за которым сидела Марина, сев на краешек, она взяла папку со стола.

— Что это?

— Это иск, который следует удовлетворить, — тоном учительницы, объясняющей домашнее задание несмышленому ребенку, ответила Мазаева.

— Зачем его удовлетворять?

— Затем, что наша компания должна денежные средства, — Марина в голове все перемешалось, и Марина так и не вспомнила когда была в очках, когда уже нет. Вроде, когда выла белугой в туалете их на мне уже не было, или были? — Отдай, пожалуйста, заявление Никите Валерьевичу на подпись.

Никита Валерьевич не только не подписал заявление Марины, но и порвал его в клочья, как рассерженный бультерьер:

— Бросить меня решила в такой момент? Ведь знаешь, как нам туго приходится, нашей команде сейчас. Ну не ожидал от тебя такой подлости Мазаева, не ожидал! — ходил из угла в угол своего кабинета директор, как недовольный скудным обедом лев в клетке.

— Никита Валерьевич, — проблеяла Марина, она ожидала чего угодно, но только не упреков в подлости и обвинений в предательстве. Нет, этого я так не оставлю, подумала она и выпалила первое, что пришло в голову:

— Меня просто не устраивает зарплата. В агентстве «Немироф» мне предложили в полтора раза больше, чем я сейчас получаю.

Не признаваться же, в самом деле, что не может она работать бок о бок с любовницей Никиты, под началом гламурной блондинки, которая в юриспруденции понимает не больше, чем свинья в апельсинах.

— Значит, конкуренты переманили, — задумчиво произнес Никита. — Хорошо, будет зарплата тебе в два раза больше, слышишь? В два раза больше.

У Марины потеплело на душе, он ценит ее, пусть как профессионала, тем не менее. «Он не хочет отпускать меня, а значит, чего-то я все-таки стою и занимаю пусть хоть малюсенькое

место в его жизни. А Инга еще наскучит ему, невозможно ведь удержать мужчину одной только внешностью, пустая голова еще никому не делала чести». Удивительно, что Никита ни слова не упомянул о сцене, невольной свидетельницей которой стала Марина. И она сдалась: — Хорошо, Никита Валерьевич, я останусь. Но если Инга Юрьевна будет и дальше меня задирать, я уйду, — угрожающим тоном промолвила Марина, а он отчаянно засмеялся, счастливым таким смехом, и, отсмеявшись, ответил:

— Больше не будет. Так ты из-за Инги хотела уйти? — проявил он чудеса догадливости — Из-за нее тоже, — уклонилась она от прямого ответа.

Никита кивнул для убедительности, вздохнул (с облегчением, как ей показалось) и сел за бумаги.

Марина вошла в кабинет и первым делом увидела кучу конфет на своем рабочем столе. Невольно улыбнувшись, она подумала: «Это Женька принес». Был у нее давешний поклонник из отдела урегулирования убытков Евгений Шереметьев. Под такой роскошной фамилией, подумаете вы, мог скрываться князь или граф, статный и породистый. Евгеша походил на князя не больше, чем Дракула на Жириновского. Высокий, с крупными чертами лица, рано лысеющей головой и хромой ногой, Шереметьев не вписывался в семейство графов. Зато отлично вписался в страховую компанию Никиты, лучшего сотрудника еще поискать надо. Он отлично справлялся со своей работой, исправно носил на подпись разрешения на выплату денежных средств, иногда получая нагоняй от начальства. Дело в том, что Евгеша слыл добрым малым, ему было жалко всех, в том числе и мошенников, которые имитировали ДТП, а потом обращались за выплатой в «Омега-страхование». Он считал, что если они так поступают, значит, у них действительно нет средств на ремонт автомобиля, следовательно, нужно помочь несчастным. За это каждый месяц Евгеша был «бит» Никитой Валерьевичем и почти уволен, но в конце рабочего дня поостывший директор менял решение и оставлял нерадивого сотрудника на месте.

Марину Евгеша заметило давно, и даже пытался ухаживать за девушкой, махая у нее перед носом то билетами в кинотеатр, то в театр юного зрителя. Заядлой театралкой Марина не была, а потому предпочитала посидеть дома с книжкой, чем идти куда-то с Евгешей. Поклонник не желал отступать и просто сменил тактику. Он засыпал ее конфетами, разными, и простыми карамельками, и дорогущим «Птичьим молоком». Просто приносил охапку конфет и оставлял у нее столе, иногда прилагая к «презенту» записку. Как правило, текст был написан от руки в блокноте с логотипом «Омега-страхование». У нее тоже был такой блокнот, выданный Никитой Валерьевичем к Новому году. К блокноту прилагалась изящная ручка, так же с символикой компании. Директор не жалел денег для саморекламы и постоянно заказывал канцелярию с логотипом «Омеги».

Смысл записок сводился к одному: приглашаю в парк/театр/кафе/сауну, нужно подчеркнуть. Особенно не понравилось Марине предложение пойти с ним в сауну. Она мало себе представляла, что будет сидеть в одной простынке перед Шереметьевым и пить пиво, или что там обычно пьют в финской бане? Одно только упоминание об этом заставляло Марину мелко хохотать: «С чего он взял вообще, что я, отказавшись пойти в театр, немедленно побегу с ним баню?». В целом, шансы Евгешы заполучить в невесты Марину приближались к нулю. Быть может, он не понимал допущенных ошибок и потому продолжал исправно носить конфеты, только уже без записок, фантазия его заметно истощилась.

На сей раз конфеты были ее любимые «Курага с миндалем в шоколаде». Марина подивилась необычайной тишиной в помещении, оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что столы ее коллег пустовали. «Куда же подевалась Инга и Воробушек?»

Марина не могла припомнить ситуацию, чтоб Люся, ничего не сказав ей, ушла. Даже свое намерение пойти в умывальню, она оповещала вслух: «Пойду-ка я ополосну личико!». Все это показалось девушке странным.

Тем временем в «резиденции» Никиты Гордеева состоялся разговор на повышенных тонах с неуёмной в своей деятельности Иногой. Она требовала немедленно уволить «выскачку в очках».

— Я прошу тебя успокоиться. Что сделала тебе Марина? — металлическим голосом осведомился Никита. Он не любил, когда ему навязывали свою волю, указывали, как поступить. Никита всегда решал все сам и думал только своей головой.

— Она меня не уважает! — категорически ответила Инга.

— И в чем же проявляется это неуважение? Она не кланяется тебе в ноги? — ядовито поинтересовался директор. Он уже откровенно сожалел, что трудоустроил любовницу в свой офис. Безусловно, она прекрасно справлялась со своей ролью в постели, а вот с трудовыми обязанностями отнюдь. Инга только и занималась тем, что докучала ему, подсказывала, указывала, руководила, как будто директор теперь она. Столь опрометчивый поступок принес немало проблем Никите. Теперь вот лучшую сотрудницу требует немедленно вышвырнуть. Но и однозначно избавиться от Инги он не мог, слишком свежи в памяти события вчерашнего вечера, когда любовница превзошла саму себя в сексе.

— Смеешься надо мной да? — Инга обиженно надула губки и отвернулась к окну.

Никита отложил стопку бумаг, подошел к ней со спины и крепко обнял, попутно целуя шейку. Инга не шевелилась, продолжая демонстрировать глубочайшую обиду. От нее исходил сильный аромат туалетной воды «Шанель Фреш», которыми она пользовалась постоянно, выплескивая на себя по пол флакона за раз. Гордеев поморщился и распахнул окно. Тут же в кабинет ворвался свежий воздух, смешанный с запахом сирени, которая буйно цвела под окнами «резиденции». Дышать стало гораздо легче.

— Перестань так сильно душить.

— Что? — недоуменно посмотрела она на Никиту выразительными глазами, подведенными идеальными стрелками. Потом сразу сообразила, что он имел в виду и визгливо продолжила:

— А тебе что денег жалко мне на духи?

— Да нет, — пожал плечами Никита, — Просто дышать нечем, когда ты рядом. В воздухе стоит удушающий аромат Шанели, — пояснил он.

Инга поперхнулась на полуслове, она отрицательно относилась к любого рода замечаниям в свой адрес, а от любовника они и вовсе были для нее неприемлемы. Она замолчала, лихорадочно придумывая какой-нибудь уничижительный ответ, но ничего так и не пришло в ее светлую голову. Инга демонстративно покинула кабинет, громко хлопнув дверью. Затем послышалось что-то вроде «Да пошел ты», Никита только беззлобно усмехнулся, ему хорошо было известно, как остра Инга на язычок.

Инга ворвалась в юридический отдел разъяренной фурией, за ней невидимым облаком вплыл стойкий аромат дорого парфюма. Марине нравился это запах, но названия, к сожалению, она не знала, а спросить неудобно. Сама девушка пользовалась «Светской львицей», недорогими и стойкими.

Момент прихода Инги, надо сказать, был не совсем удачным. В это время Шереметьев травил анекдоты Марише, которая слушала его вполуха и пила чай с конфетами, рассматривая что-то на мониторе. Байки Евгешы давно не смешили ее по причине того, что рассказывал он всегда одно и то же, не обращая внимания на отсутствие реакции со стороны девушки, он заливисто смеялся сам. Очень громко и держась одной рукой за живот, а другой стуча по столу. Люся уже была на месте и бойко стучала по клавиатуре, не обращая внимания ни на кого.

Такую живописную картину застала Инга Юрьевна в разгар рабочего дня. Раскрасневшееся ее личико моментально побелело, превратившись в маску египетской царицы, даже стрелки на глазах оказались кстати. Евгеша не сразу заметил ее, а потому продолжал буйствовать.

— Что здесь происходит? — по слогам спросила начальница. Было заметно, что она еле-еле сдерживается, чтобы не обрушиться на голову Шереметьева что-нибудь тяжелое.

— Что ты делаешь в моем отделе? — она ткнула пальцем в грудь замолчавшего Евгешы.

— Да вот конфет принес, очень вкусные. Хотите?

— А ты опять чай гоняешь? Да, да очкастая я тебя спрашиваю. Работа в отделе стоит на месте, куча судов впереди, а она тут шуры-муры вертит! — голос Инги достиг апогея, она орала так, что уши начало закладывать у соседей через стенку.

Марина медленно поднялась с места. Инга в два шага оказалась возле нее и залепила звонкую пощечину. Марина потрясенно потерла вмиг покрасневшую щеку, от стыда и унижения слезы потекли соленым ручьем, стекая с подбородка. Кружка опрокинулась от ее неловкой попытки прикрыться рукой, горячий чай залил лежащие на столе судебные иски. Но Марина не обратила на это никакого внимания, продолжая стоять, как истукан. В другой бы момент она принялась спасать бумаги, а сейчас стояла и не моргая смотрела на стремительно расплывающееся пятно, поедавшее бумаги с бешеной скоростью. У бумаг не осталась ни единого шанса уцелеть. Люся продолжала делать вид, будто ничего не происходит из ряда вон выходящего.

— Чтобы духу тут твоего не было и твоего придурочного женишка. Пошли вон оба! — победоносно закончила Инга и скрылась в своем отсеке.

Евгеша обнял Марину и вывел из кабинета, та уже отчаянно рыдала, даже не думая сопротивляться. Ей было все равно куда ее ведут и зачем, лишь бы отсюда подальше. Шереметьев выдавал какие-то слова утешения, но Марина не слушала его, в голове, как в замедленной съемке крутился фильм с участием Инги. Щека предательски щипала, напоминая о былом унижении.

Марина вернулась к реальности только в кабинете, где трудился Евгеша. Он заботливо протягивал стакан с водой. Девушка послушно отпила глоток и сморщилась, водица была теплой, как парное молоко.

— Ты Мариш, не волнуйся, Инга еще поплатится за свой поступок.

«Ну вот еще один. Воробушек тоже строила планы по выдворению Инги из пределов офиса, и что? Когда потребовалась реальная помощь, хотя бы моральная, Люся предпочла отсидеться, сделав вид, что ничего экстраординарного не случилось. Ничего не видела, ничего не слышала. А еще подругой себя называла», — презрительно скривилась Марина.

— Давай я тебя домой провожу.

Шереметьев был убежден, что самый лучший способ отвлечь даму от тягостных раздумий —

рассказать парочку анекдотов. Он с упорством вспоминал новые и новые анекдоты, по обыкновению смеялся сам, а Марина лишь через силу улыбалась. Наконец, он выдал все имеющиеся в его арсенале смешные истории, и предложил:

— А пошли в Макдоналдс?

Марина вдруг ощутила чувство голода, желудок просил чего-нибудь съестного, хотя бы калорийную булку с котлетой. Она не была поклонницей фаст-фуда, предпочитая только проверенную, полезную пищу, например, рыбу, приготовленную на пару с овощами. Хлеб белый не ела из соображений, что надо беречь фигуру. Принца так же держала на диете, раскормленный далматинец будет выглядеть как поросенок.

Марина решила, что сейчас не время привередничать, у ее спутника вряд ли хватит денег на ресторан, где подают изумительную запеченную рыбу в фольге. Когда приезжают родители из очередной командировки, они непременно идут всей семьей в ресторан, где всегда заказывают лосось с овощами. Марина вспомнила обалденно вкусную рыбу и сглотнула слюну.

Евгеша взял себе пять «Бигмаков», четыре картошки-фри и две колы. Марина с сомнением осмотрела его щуплую фигуру, но промолчала. От запаха, царившего в кафе, аппетит мгновенно куда-то улетучился, она отщипывала кусочки от бургера и смотрела, как ее провожатый разделяется с едой. Делал он это быстро, со сноровкой. Марина только диву давалась, как быстро исчезала еда в недрах Шереметьевского желудка, даже настроение немного поднялось.

— Я просто очень люблю поесть. Так люблю, что остановиться в нужный момент не могу, — с набитым ртом принялся оправдываться Шереметьев.

— Приятного аппетита, — улыбнулась Марина.

«А он милый, без комплексов. И фамилия хорошая. Даже аэропорт в честь его предков назвали — Шереметьево», — подумала девушка. «Но он не Никита и никогда не сможет стать хоть чуточку на него похожим», — заключил внутренний голос.

Как только Марина добралась домой, то сразу легла в постель и уставилась в потолок. Принц бегал рядом и скулил, он не понимал, почему хозяйка пришла в таком меланхоличном настроении, и не ведет его гулять. Он лизнул несколько раз ее руку, плетью свисающую с постели — не помогло, хозяйка не шевелилась. Тогда он прибегнул к другой уловке: поставил две передние лапы на кровать, склонил голову набок и жалобно заглянул ей в лицо. Прием сработал, Марина нехотя встала, нашла в темноте прогулочный костюм.

— Пойдем гулять.

С радостным лаем, Принц выскочил за дверь и понесся вниз по ступенькам, не обращая внимания на вопль хозяйки:

— Стой! А поводок!

Ему хотелось поскорей пробежаться по своим любимым местам — за гаражами и на детской площадке. За гаражами, в траве он справлял нужду, а вот на детской площадке он с громким лаем носился с детьми, которые пытались его дрессировать. Сейчас на площадке было пусто, поэтому далматин бросился за гаражи. Когда Марина вышла из подъезда, его и след простыл. Позвав несколько раз его, девушка села на качели и продолжила грустить. А Принц вернется, он знает округу, как свои четыре лапы.

Думать о дневных событиях она категорически не желала, но не хорошие мысли сами лезли в голову. Они, эти мысли, настолько раззадорили Марину, что она в сердцах пожелала

отправиться на тот свет Инге. Назвать кровожадной ее было трудно, девушка никогда никому не желала зла, а как начальница обошлась с ней, так бесцеремонно еще никто не поступал в отношении Марины. Если не сказать жестоко. Девушка, конечно, слышала, что иногда происходят конфликтные ситуации в офисах, часто доходящие до мордобоя, но чтобы такое случилось с ней... Девушка она была не агрессивная, с готовностью всем помогала, не совала нос в чужие дела, так почему же Инга невзлюбила ее с первого взгляда?

Прошло уже двадцать минут, а Принц не вернулся. Вокруг стояла такая тишина, что было слышно собственное дыхание. Марина кричала на все лады, звала собаку по кличке, но гуляка не откликнулся.

«Да что же за день сегодня такой? Принц, ты где?». Она зашла за гаражи и осмотрела поляну, благодаря свету от фонаря, она прекрасно просматривалась — далматина нигде не было. Марина пошла вдоль гаражей, прислушиваясь к звукам. Вдруг послышался шорох за спиной, она обернулась, готовая увидеть Принца с виноватыми глазами, но вместо этого почувствовала удар по голове. Весь мир померк перед глазами, и прежде чем, провалиться в бездну, Марина успела все-таки подумать: «Господе, больно-то как»

Господе, как хорошо!

Никита вытянулся во весь рост на кровати. Рядом лежала утомленная Инга и курила сигарету, пуская едкий дым в потолок.

— Я же просил тебя не курить при мне, — поморщился он и разогнал дым рукой. Никита не курил сам и не любил, когда это делали другие, особенно в его присутствии.

— Лучше завтрак приготовь, на работу опаздываем, — примирительно добавил он. Ссориться Ингой после доставленного удовольствия не хотелось.

Девушка нехотя встала, не потрудившись даже одеться, босиком пошлепала на кухню. Через минуту оттуда появился аромат крепкого кофе, который она варила мастерски, не хуже чем занималась сексом. Никита торопливо оделся и направил свои стопы в сторону запаха.

Приготовить что-нибудь из еды Инга не догадалась, поэтому мужчина ограничился кофе. От этого он стал немного раздражен, потому как привык завтракать, хотя бы примитивной яичницей. Но у его любовницы было свое мнение на этот счет, пополнять запас энергии, затраченный на нее же, Инга не спешила.

— Я тебя жду в машине, — бросил Никита и мельком посмотрел на нее. Инга стояла возле зеркала, смешно высунув язык и прикрыв один глаз, другой глаз она мазала чем-то черным. Никита в очередной раз поблагодарил Бога, что родился мужчиной и ему не нужно выполнять эти сложные манипуляции каждое утро. Одно только не давало покоя Никите, что женщины, по какой-то неведомой причине живут дольше.

Гордеев собрал всех сотрудников «Омеги» в своем кабинете, планерка началась со слов:

— Коллеги, предлагаю устроить мозговой штурм. Ситуация такая: некто распространяет фальшивые полисы Обязательного страхования транспорта с нашей символикой, то есть со штампом и печатью «Омега-страхование», так же являющиеся фальшивыми. У нас есть несколько судебных дел по этим фальшивкам. Юридическому отделу предстоит огромная работа доказать, что они не принадлежат нашей компании.

Никита Валерьевич перехватил дух и осмотрел аудиторию начальственным взглядом. Место, которое обычно занимала Марина Мазаева пустовало.

— Я не понял, а где Мазаева? — удивился директор.

Инга тут же вскочила со своего места и заявила:

— Прогуливает. Нет ее работе.

— Как это нет? У нее же суд сегодня с Алиевым, — взревел Никита голодным львом. — Она же все документы подала, обещала непременно выиграть этот чертов суд. Так где же Марина? — Любочка, срочно позвони Мазаевой, узнай, где она, — это было сказано в селектор.

— Хорошо Никита Валерьевич, сделаю, — прозвучал на весь кабинет голос жующей что-то Любы секретаря. Народ заулыбался. Все считали, что Любочка относится к роду жвачных животных, трудно было представить ее с пустым ртом. Если под рукой не было ничего съедобного, она жевала жвачку, тем самым раздражая всех без исключения.

— Мозговой штурм отменяется пока, по причине отсутствия самого главного мозга. Все свободны, Инга Юрьевна останьтесь.

Когда толпа покинула кабинет, Инга пересела поближе к Никите и заискивающе спросила:

— Ник, а можно я пойду в суд вместо Мазиловой?

— Ее фамилия Мазаева, — бесстрастно поправил он

— Какая разница? — Инга раздраженно повела плечиком. Сегодняшняя ее кофточка сильно оголяла эти самые плечи. Никита представил, как она заявляется в суд в этом наряде, строгая судья смотрит на нее из-под очков и спрашивает: вы спутали судебное заседание с кабаком? И чуть не расхохотался.

— Дорогая, зачем тебе это? — отмахнулся Никита.

— Ты сомневаешься в моих способностях? — вызывающе спросила Инга. — Я справлюсь почище, чем твоя Марина.

Директор только умилился от нее воинственного вида, настоящая амазонка. Он был полностью уверен, что такая женщина, как Инга создана исключительно для любви. Не котировалась она с судебными делами, а тем более повышенной сложности. Только Марина Мазаева могла отсудить добрую половину денег компании у жалобщика-истца. Марина юрист от бога. Это Гордеев безоговорочно признавал. А теперь эта девочка находится неизвестно где и все летит в тартарары.

Продолжение следует